

21.06
6 класс
Литература

Добрый день, ребята!!!

Прошу вас **внимательно читать инструкции** каждый день, **в срок выполнять** работы, чтобы не было проблем с их проверкой. Все задания делаем сроком до следующего урока. Выполненные задания **ПИСЬМЕННЫЕ** фотографируем и присылаем мне в ВК <https://vk.com/feed> или Вайбер **0713963805**. Старайтесь фото делать качественные! Сохраняем фото только **так: ФАМИЛИЯ __ класс. Тетради со всеми работами и работы на листах по окончанию дистанционного обучения необходимо сдать мне.**

Если возникают проблемы с выполнением или нужна консультация, можете звонить на мой личный номер 0713963805.

Тема урока: Повторение и обобщение материала по теме: «Даниэль ДЕФО. «Робинзон Крузо»

Ход работы:

1.Повторите материал «Жизнь и творчество Даниэля Дефо»:

Даниэль Дефо родился в 1660 году в Лондоне в семье Джемса Фо, торговца мясом и свечного фабриканта.

Впоследствии свою фамилию писатель изменил на Дефо.

Интересы семьи, в которой рос Даниэль, составляли торговля и религия.

Отец Даниэля, заметив его исключительные способности, отдал мальчика в школу, готовившую священников для пуританской церкви.

Всю жизнь Дефо оставался предприимчивым коммерсантом. В качестве торгового агента много путешествовал по Европе, особенно долго пробыл в Испании и Португалии. Принимал участие в политической жизни своей эпохи.

В 1702 году Дефо написал анонимную брошюру «Кратчайший способ расправы с диссидентами», в которой высмеивал кровожадных церковников. В январе 1703 года был отдан приказ об аресте Дефо, «виновного в преступлении чрезвычайной важности». Дефо бежал и скрылся от полиции, но был выдан и заключён в тюрьму, а памфлет сожжён на площади.

Приговор, вынесенный Дефо, отличался исключительной суровостью. Дефо мужественно принял наказание. Ещё во время предварительного заключения он написал «Гимн позорному столбу» (1703), в котором заявил, что гордится своей участью. Этот гимн распространялся его друзьями и скоро был у всех на устах. На этом закончился героический период в жизни Дефо: в том же году он был выпущен на свободу.

В дальнейшем Дефо уже не подвергался политическим гонениям. Он умер в глубокой старости, разорённый и преследуемый кредиторами.

Писательская деятельность Дефо чрезвычайно разнообразна. Им написано более 250 произведений различных жанров – от стихотворных и прозаических памфлетов до крупных романов.

Дефо следует считать основателем журналистики в Англии. С 1705 года по 1713 год он издавал газету «Обозрение французских дел», в которой анализировал всю европейскую политику, внутренние дела Англии. Дефо издавал свою газету один, был её единственным сотрудником.

Сюжетные линии романа

«Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо»

Прославленный роман «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо» был написан Дефо на 58-м году жизни и увидел свет 25 апреля 1719 года. Книгу раскупили мгновенно, и понадобились новые издания. В течение одного только 1719 года роман издавался четыре раза. Его продолжали печатать и в следующие годы.

Дефо, чуткий к интересам публики, написал продолжение книги. Второй том поступил в продажу 20 августа 1719 года. А ещё год спустя, тоже в августе, появился третий том под названием «Серьёзные мысли Робинзона Крузо в течение его жизни и удивительных приключений, с видением ангельского мира».

В основу сюжета романа, обусловленного растущим интересом англичан к путешествиям и географическим открытиям, легло действительное событие – пребывание шотландского матроса Александра Селькирка на необитаемом острове в течение четырёх лет (с 1704 по 1708 г.)

2. Прочитайте материал об Александре Селькирке:

Александр Селькирк родился в 1676 году в местечке Ларго, расположенном в одном из уютных приморских уголков Шотландии на берегу Северного моря, в семье башмачника. В мастерской, где с ранних лет приходилось помогать старшим, ему было скучно. Зато его неудержимо влекло в харчевню “Красный лев”, расположенную неподалеку от их дома. Здесь собирався бывалый народ, “морские волки”, повидавшие сказочные страны и наглядевшиеся там разных диковин.

Восемнадцать лет он покинул дом и отправился в море навстречу своей удивительной судьбе, сделавшей его героем бессмертной книги. Плавание закончилось для него плачевно: судно подверглось нападению французских пиратов. Молодого матроса взяли в плен и продали в рабство. Но ему удалось освободиться и наняться на пиратский корабль. С этого момента для Селькирка начинается полоса злоключений и неудач, из которых, он, однако, удивительным образом выходит целым и невредимым. Видимо, опасный промысел он избрал не напрасно - домой Селькирк вернулся в роскошной одежде, с золотой серьгой в ухе, кольцами на пальцах и туго набитым кошельком. Но дома ему не сиделось. Тихая спокойная жизнь казалась скучной и однообразной. Он решает снова отправиться в плавание. Случай не заставил себя долго ждать. В начале 1703 года в “Лондон газетт” Селькирк прочитал о том, что знаменитый капитан Уильям Дампьер на двух судах готовится предпринять новое плавание в Вест-Индию за золотом. Такая перспектива вполне устраивала молодого, но уже “заболевшего” морем и приключениями шотландца. Вот почему среди первых, кто записался в члены экипажа флотилии Дампьера, был 27-летний Александр Селькирк. Ему предстояло служить боцманом на 16-пушечной галере “Сэнк пор”. Кроме нее в флотилию Дампьера входил 26-пушечный бриг “Сент Джордж”. Уильям Дампьер - авантюрист и одновременно ученый-натуралист, корсар и мореход, успешно продолжал дело знаменитых королевских пиратов Френсиса Дрейка и Уолтера Рели, положивших в веке начало морскому владычеству Британии.

Цель похода флотилии Дампьера - нападение на испанские суда в море, захват и ограбление городов на суше. Курс - южные моря, страны Латинской Америки. По существу, это была обычная для того времени грабительская экспедиция, прикрывавшаяся лишь лозунгом борьбы с враждебной Англии Испанией.

Плавание протекало спокойно, если не считать смерти капитана судна, на котором служил Селькирк. Вместо умершего моряка Дампьер назначил нового командира Томаса Стредлинга, сыгравшего позже столь неблагодарную роль в судьбе своего боцмана. С этого момента началось трудное плавание. И не только потому, что характер у нового капитана был крутой и жестокий, но и из-за того, что теперь плыли по почти не исследованным морям, мореходный инструмент в то время был весьма еще не совершенен, а карты часто вообще отсутствовали. Полтора года галера “Сэнк пор” скиталась по морям, вступала в абордажные схватки, совершала дерзкие набеги, захватывала корабли испанцев. Из Атлантического, следуя путем Магеллана, вышла в Тихий океан. Во время плавания между капитаном галеры “Сэнк пор” Томасом Стредлингом и его боцманом Селькирком не раз возникали пререкания, порой даже ссоры. Дошло до того, что Селькирк решил покинуть корабль. В судовом журнале появилась запись: Александр Селькирк списан с судна “по собственному желанию”. В шлюпку погрузили платье и белье, кремневое ружье, фунт пороху, пули и огниво, несколько фунтов табака, топор,

нож, котел, не забыли даже библию. Селькирка ждала вполне “комфортабельная” жизнь на необитаемом острове Мас а Тьерра, входящем в архипелаг Хуан Фернандес и расположенном в шестистах километрах к западу от Чили. В душе боцман надеялся, что долго пробыть на острове в положении добровольного узника ему не придется. Ведь корабли довольно часто заходят сюда за пресной водой. А пока что ему, чтобы не умереть с голоду, надо было заботиться о еде - съестных припасов ему оставили лишь на один день. К счастью, на острове оказалось множество диких коз. Это означало, что, пока есть порох и пули, питание ему обеспечено. Время шло, а скорое избавление, на которое он так надеялся, не приходило. Волей-неволей пришлось заботиться не только о настоящем, но думать и о будущей жизни на клочке земли, затерянной в океане. Обследовав свои “владения”, Селькирк установил, что остров покрыт густой растительностью и имеет около двадцати километров в длину и пять в ширину. На берегу можно было охотиться на черепах и собирать в песке их яйца. Во множестве на острове водились птицы, у берегов встречались лангусты и тюлени.

Первые месяцы было особенно трудно. И не столько от того, что приходилось ежечасно вести борьбу за существование, сколько из-за полного одиночества. Все меньше оставалось надежды на скорое избавление и все чаще охватывал Селькирка страх при мысли о том, что ему суждено много лет пробыть в этой добровольной ссылке. Землю, которая его приютила в океане, он проклинал, как и тот час, когда решился на свой необдуманный поступок. Знал он тогда, что корабль “Сэнк пор” вскоре после того, как он его покинул, потерпел крушение и почти вся команда погибла, - благодарил бы свою судьбу. Как он сам потом рассказывал, восемнадцать месяцев потребовалось для того, чтобы привыкнуть к одиночеству и примириться со своей участью. Но надежда не оставляла его. Каждый день Селькирк взбирался на самую высокую гору и часами всматривался в горизонт. Немало труда, выдумки и изобретательности потребовалось для того, чтобы наладить “нормальную” жизнь на необитаемом острове. Селькирк построил две хижины из бревен и листьев, оборудовал их. Одна служила ему “кабинетом” и “спальней”, в другой он готовил еду. Когда платье его изветшало, он сшил при помощи простого гвоздя, служившего ему иглой, одежду из козьих шкур. Закончив трудовой день, Селькирк отдыхал, плотничал, смастерил, например, сундучок и разукрасил его искусной резьбой, кокосовый орех превратил в чашу для питья. Подобно первобытным людям он научился добывать огонь трением, а когда у него кончился порох - стал ловить руками диких коз. Быстрота и ловкость, необходимые для этого, дались ему нелегко. Однажды во время такой охоты “вручную”, пытаясь поймать козу, он сорвался вместе с нею в пропасть и трое суток пролежал там без сознания. После этого - на тот случай, если заболит или еще почему-либо не сможет больше преследовать животных, Селькирк стал подрезать у козлят сухожилия ног, отчего те утрачивали резвость и становились более доступными для безоружного охотника. Настоящим бедствием для него стали крысы, которые во множестве развелись на острове. Они бесстрашно сновали по хижине, грызли все, что могли. Чтобы избавиться от них, пришлось приручить одичавших кошек, как и крысы, завезенных на остров кораблями.

Здоровый климат и каждодневный труд укрепили силы и здоровье бывшего боцмана. Он уже не испытывал те муки одиночества, которые одолевали его вначале пребывания на острове. Подобная жизнь, по словам тех, кому довелось слышать рассказы Селькирка после его спасения, стала казаться ему не столь уж неприятной. Он свыкся с мыслью о том, что надолго отлучен от людского общества. Прошло более четырех лет. Тысяча пятьсот восемьдесят дней и ночей один на один с природой! Напряжение всех физических и моральных сил, дабы не впасть в уныние, не поддаться настроению тоски, не дать отчаянию одержать верх. Трудолюбие - лучшее лекарство от болезни одиночества, настойчивость в достижении цели, предприимчивость - все эти качества были присущи Селькирку так же, как в еще большей степени ими будет наделен его литературный собрат - будущий Робинзон Крузо.

В начале 1709 года отшельничеству Сельхирка пришел конец. Днем избавления для него стало тридцать первое января. В полдень со своего наблюдательного поста, откуда он

каждодневно с тоской вглядывался в даль, Селькирк заметил точку. Парус! Первый раз за столько лет на горизонте появился корабль. Неужели он пройдет мимо?! Скорее подать сигнал, привлечь внимание мореплавателей. Но и без того было видно, что судно держит курс к берегу острова Мас а Тьерра. Когда корабль подошел достаточно близко и бросил якорь, от него отчалила шлюпка с матросами. Это были первые люди, которых он видел после стольких лет. Можно представить, как были удивлены матросы, встретив на берегу “дикого человека” в звериных шкурах, обросшего, не могшего поначалу произнести ни единого слова. Только, оказавшись на борту “Дьюка” - так называлось судно, избавившее моряка от неволи,- он обрел дар речи и рассказал о том, что с ним произошло.

3. Повторите сюжет: главы 12 и 21:

Глава 12.

Робинзон возвращается в пещеру. Его полевые работы.

Во время этого путешествия моя собака вспугнула козлёнка и схватила его, но загрызть не успела: я подбежал и отнял его. Мне очень хотелось взять его с собой: я страстно мечтал раздобыть где-нибудь пару козлят, чтобы развести стадо и обеспечить себе мясную пищу к тому времени, когда у меня выйдет весь порох.

Я смастерил для козлёнка ошейник и повёл его на верёвке; верёвку я давно уже свил из пеньки от старых канатов и всегда носил её в кармане. Козлёнок упирался, но всё-таки шёл. Добравшись до своей дачи, я оставил его в ограде, сам же пошёл дальше: мне хотелось поскорее очутиться дома, так как я путешествовал больше месяца.

Не могу выразить, с каким удовольствием воротился я под крышу своего старого дома и снова разлёгся в гамаке. Эти скитания по острову, когда мне негде было приклонить голову, так утомили меня, что мой собственный дом (как называл я теперь моё жильё) показался мне необыкновенно уютным. С неделю я отдыхал и наслаждался домашней едой. Большую часть этого времени я был занят важнейшим делом: мастерил клетку для Попки, который сразу же сделался домашней птицей и очень привязался ко мне.

Затем я вспомнил о бедном козлёнке, сидевшем в плену на даче. «Наверное, — думал я, — он уже съел всю траву и выпил всю воду, какую я ему оставил, и теперь голодает». Надо было сходить за ним. Придя на дачу, я застал его там, где оставил. Впрочем, он и не мог уйти. Он умирал с голоду. Я нарезал веток с ближайших деревьев и перебрал ему за ограду. Когда козлёнок поел, я привязал к его ошейнику верёвку и хотел вести его, как раньше, но от голода он сделался таким ручным, что верёвка стала не нужна: он побежал за мной сам, как собачонка.

Дорогой я часто кормил его, и благодаря этому он стал таким же послушным и кротким, как и прочие жильцы моего дома, и так ко мне привязался, что не отходил от меня ни на шаг.

Наступил декабрь, когда должны были взойти ячмень и рис. Возделанный мною участок был невелик, потому что, как я уже говорил, засуха погубила почти весь посев первого года и у меня оставалось не более осьмушки бушеля каждого сорта зерна.

На этот раз можно было ожидать отличного урожая, но вдруг оказалось, что я снова рискую потерять весь посев, так как моё поле опустошается целыми полчищами разнообразных врагов, от которых едва ли возможно уберечься. Этими врагами были, во-первых, козы, во-вторых, те дикие зверьки, которых я называл зайцами. Сладкие стебли риса и ячменя пришлись им по вкусу: они проводили на поле дни и ночи и съедали молодые побеги, прежде чем те успевали заколоситься.

Против нашествия этих врагов было лишь одно средство: огородить все поле плетнём. Я так и сделал. Но эта работа была очень тяжела, главным образом потому, что надо было спешить, так как враги нещадно истребляли колосья. Впрочем, поле было такое небольшое, что через три недели изгородь была готова.

Изгородь оказалась довольно хорошей. Покуда она не была закончена, я отпугивал врагов выстрелами, а на ночь привязывал к изгороди собаку, которая лаяла до утра. Благодаря всем

этим мерам предосторожности враги оставили меня в покое, и мои колосья стали наливаться зерном.

Но чуть только хлеб заколосился, появились новые враги: налетели стаи прожорливых птиц и начали кружиться над полем, выжидая, когда я уйду и можно будет наброситься на хлеб. Я сейчас же выпустил в них заряд дробы (так как никогда не выходил без ружья), и не успел я выстрелить, как с поля поднялась другая стая, которой я сначала не заметил.

Я был не на шутку встревожен.

«Ещё несколько дней такого грабежа — и прощай все мои надежды, — говорил я себе, — у меня нет больше семян, и я останусь без хлеба».

Что было делать? Как избавиться от этой новой напасти? Ничего придумать я не мог, но твёрдо решил во что бы то ни стало отстоять свой хлеб, хотя бы мне пришлось караулить его круглые сутки.

Раньше всего я обошёл все поле, чтобы установить, много ли вреда причинили мне птицы. Оказалось, что хлеб порядком попорчен. Но с этой потерей можно было ещё примириться, если бы удалось сберечь остальное. Птицы притаились на ближайших деревьях: они ждали, чтобы я ушёл. Я зарядил ружьё и сделал вид, что ухожу. Воры обрадовались и стали один за другим опускаться на пашню. Это страшно рассердило меня. Сначала я хотел было подождать, чтобы опустилась вся стая, но у меня не хватило терпения. «Ведь из-за каждого зерна, которое они съедят теперь, я, может быть, лишюсь в будущем целой ковриги хлеба», — сказал я себе.

Я подбежал к изгороди и начал стрелять; три птицы остались на месте.

Я поднял их и повесил на высоком столбе, чтобы запугать остальных. Трудно себе представить, какое поразительное действие произвела эта мера: ни одна птица не села больше на пашню. Все улетели из этой части острова; по крайней мере, я не видал ни одной за всё время, пока мои пугала висели на столбе. Можете быть уверены, что мне эта победа над птицами доставила большое удовольствие.

К концу декабря хлеб поспел, и я снял жатву, вторую в этом году.

У меня, к сожалению, не было ни косы, ни серпа, и после долгих размышлений я решил воспользоваться для полевых работ широкой саблей, взятой мною с корабля вместе с другим оружием. Впрочем, хлеба было у меня так немного, что убрать его не составляло большого труда. Да и убирал я его своим собственным способом: срезал только колосья и уносил с поля в большой корзине. Когда всё было собрано, я перетёр колосья руками, чтобы отделить шелуху от зерна, и в результате из одной осьмушки бушеля семян каждого сорта получил около двух бушелей риса и два с половиной бушеля ячменя (конечно, по приблизительному расчёту, так как у меня не было мерки).

Урожай был очень хороший, и такая удача окрылила меня. Теперь я мог надеяться, что через несколько лет у меня будет постоянный запас хлеба. Но вместе с тем предо мною возникли и новые затруднения. Как без мельницы, без жерновов превратить зерно в муку? Как просеять муку? Как вымесить из муки тесто? Как, наконец, испечь хлеб? Ничего этого я не умел. Поэтому я решил не трогать урожая и оставить все зерно на семена, а тем временем, до следующего посева, приложить все усилия к тому, чтобы разрешить главную задачу, то есть изыскать способ превращать зерно в печёный хлеб.

Глава 21.

Робинзон спасает дикаря и даёт ему имя Пятница

Представьте же себе моё изумление, когда, выйдя однажды из крепости, я увидел внизу, у самого берега (то есть не там, где я ожидал их увидеть), пять или шесть индейских пирог. Пироги стояли пустые. Людей не было видно. Должно быть, они вышли на берег и куда-то скрылись.

Так как я знал, что в каждую пирогу обыкновенно садится по шесть человек, а то и больше, признаюсь, я сильно растерялся. Я никак не ожидал, что мне придётся сражаться с таким большим количеством врагов.

«Их не меньше двадцати человек, а пожалуй, наберётся и тридцать. Где же мне одному одолеть их!» — с беспокойством подумал я.

Я был в нерешительности и не знал, что мне делать, но всё же засел в своей крепости и приготовился к бою.

Кругом было тихо. Я долго прислушивался, не донесутся ли с той стороны крики или песни дикарей. Наконец мне наскучило ждать. Я оставил свои ружья под лестницей и взобрался на вершину холма.

Высовывать голову было опасно. Я спрятался за этой вершиной и стал смотреть в подзорную трубу. Дикари теперь вернулись к своим лодкам. Их было не менее тридцати человек. Они развели на берегу костёр и, очевидно, готовили на огне какую-то пищу. Что они готовят, я не мог рассмотреть, видел только, что они пляшут вокруг костра с неистовыми прыжками и жестами, как обычно пляшут дикари.

Продолжая глядеть на них в подзорную трубу, я увидел, что они подбежали к лодкам, вытащили оттуда двух человек и поволокли к костру. Видимо, они намеревались убить их.

До этой минуты несчастные, должно быть, лежали в лодках, связанные по рукам и ногам. Одного из них мгновенно сбили с ног. Вероятно, его ударили по голове дубиной или деревянным мечом, этим обычным оружием дикарей; сейчас же на него накнулись ещё двое или трое и принялись за работу: распороли ему живот и стали его потрошить.

Другой пленник стоял возле, ожидая той же участи.

Занявшись первой жертвой, его мучители забыли о нём. Пленник почувствовал себя на свободе, и у него, как видно, явилась надежда на спасение: он вдруг рванулся вперёд и с невероятной быстротой пустился бежать.

Он бежал по песчаному берегу в ту сторону, где было моё жильё. Признаюсь, я страшно испугался, когда заметил, что он бежит прямо ко мне. Да и как было не испугаться: мне в первую минуту показалось, что догонять его бросилась вся ватага. Однако я остался на посту и вскоре увидел, что за беглецом гонятся только два или три человека, а остальные, пробежав небольшое пространство, понемногу отстали и теперь идут назад к костру. Это вернуло мне бодрость. Но окончательно я успокоился, когда увидел, что беглец далеко опередил своих врагов: было ясно, что, если ему удастся пробежать с такой быстротой ещё полчаса, они ни в коем случае не поймают его.

От моей крепости бежавшие были отделены узкой бухтой, о которой я упоминал не раз, — той самой, куда я причаливал со своими плотами, когда перевозил вещи с нашего корабля.

«Что-то будет делать этот бедняга, — подумал я, — когда добежит до бухты? Он должен будет переплыть её, иначе ему не уйти от погони».

Но я напрасно тревожился за него: беглец не задумываясь кинулся в воду, быстро переплыл бухту, вылез на другой берег и, не убавляя шагу, побежал дальше.

Из трёх его преследователей только двое бросились в воду, а третий не решился: видимо, он не умел плавать; он постоял на том берегу, поглядел вслед двум другим, потом повернулся и не спеша пошёл назад.

Я с радостью заметил, что два дикаря, гнавшиеся за беглецом,плыли вдвое медленнее его.

И тут-то я понял, что пришла пора действовать. Сердце во мне загорелось.

«Теперь или никогда! — сказал я себе и помчался вперёд. — Спасти, спасти этого несчастного какой угодно ценой!»

Не теряя времени, я сбежал по лестнице к подножию горы, схватил оставленные там ружья, затем с такой же быстротой взобрался опять на гору, спустился с другой стороны и побежал наискосок прямо к морю, чтобы остановить дикарей.

Так как я бежал вниз по склону холма самой короткой дорогой, то скоро очутился между беглецом и его преследователями. Он продолжал бежать не оглядываясь и не заметил меня.

Я крикнул ему:

— Стой!

Он оглянулся и, кажется, в первую минуту испугался меня ещё больше, чем своих преследователей.

Я сделал ему знак рукой, чтобы он приблизился ко мне, а сам пошёл медленным шагом навстречу двум бежавшим дикарям. Когда передний поравнялся со мной, я неожиданно бросился на него и прикладом ружья сшиб его с ног. Стрелять я боялся, чтобы не всполошить остальных дикарей, хотя они были далеко и едва ли могли услышать мой выстрел, а если бы и услышали, то всё равно не догадались бы, что это такое.

Когда один из бежавших упал, другой остановился, видимо испугавшись.

Я между тем продолжал спокойно приближаться. По, когда, подойдя ближе, я заметил, что в руках у него лук и стрела и что он целится в меня, мне поневоле пришлось выстрелить. Я прицелился, спустил курок и уложил его на месте.

Несчастный беглец, несмотря на то что я убил обоих его врагов (по крайней мере, так ему должно было казаться), был до того напуган огнём и грохотом выстрела, что потерял способность двигаться; он стоял, как пригвождённый к месту, не зная, на что решиться: бежать или остаться со мной, хотя, вероятно, предпочёл бы убежать, если бы мог.

Я опять стал кричать ему и делать знаки, чтобы он подошёл ближе. Он понял: ступил шага два и остановился, потом сделал ещё несколько шагов и снова стал как вкопанный.

Тут я заметил, что он весь дрожит; несчастный, вероятно, боялся, что, если он попадётся мне в руки, я сейчас же убью его, как и тех дикарей.

Я опять сделал ему знак, чтобы он приблизился ко мне, и вообще старался всячески ободрить его.

Он подходил ко мне всё ближе и ближе. Через каждые десять-двенадцать шагов он падал на колени. Очевидно, он хотел выразить мне благодарность за то, что я спас ему жизнь.

Я ласково улыбался ему и с самым приветливым видом продолжал манить его рукой.

Наконец дикарь подошёл совсем близко. Он снова упал на колени, поцеловал землю, прижался к ней лбом и, приподняв мою ногу, поставил её себе на голову.

Это должно было, по-видимому, означать, что он клянётся быть моим рабом до последнего дня своей жизни.

Я поднял его и с той же ласковой, дружелюбной улыбкой старался показать, что ему нечего бояться меня.

Но нужно было действовать дальше. Вдруг я заметил, что тот дикарь, которого я ударил прикладом, не убит, а только оглушён. Он зашевелился и стал приходить в себя.

Я указал на него беглецу:

— Враг твой ещё жив, посмотри!

В ответ он произнёс несколько слов, и хотя я ничего не понял, но самые звуки его речи показались мне приятны и сладостны: ведь за все двадцать пять лет моей жизни на острове я в первый раз услышал человеческий голос!

Впрочем, у меня не было времени предаваться таким размышлениям: оглушённый мною людоед оправился настолько, что уже сидел на земле, и я заметил, что мой дикарь снова начинает бояться его. Нужно было успокоить несчастного. Я прицелился было в его врага, но тут мой дикарь стал показывать мне знаками, чтобы я дал ему висевшую у меня за поясом обнажённую саблю. Я протянул ему саблю. Он мгновенно схватил её, бросился к своему врагу и одним взмахом снёс ему голову.

Такое искусство очень удивило меня: ведь никогда в жизни этот дикарь не видел другого оружия, кроме деревянных мечей. Впоследствии я узнал, что здешние дикари выбирают для своих мечей столь крепкое дерево и оттачивают их так хорошо, что таким деревянным мечом можно отсечь голову не хуже, чем стальным.

После этой кровавой расправы со своим преследователем мой дикарь (отныне я буду называть его моим дикарём) с весёлым смехом вернулся ко мне, держа в одной руке мою саблю, а в другой — голову убитого, и, исполнив предо мною ряд каких-то непонятных движений, торжественно положил голову и оружие на землю подле меня.

Он видел, как я застрелил одного из его врагов, и это поразило его: он не мог понять, как можно убить человека на таком большом расстоянии. Он указывал на убитого и знаками просил позволения сбегать взглянуть на него. Я, тоже при помощи знаков, постарался дать понять, что не запрещаю ему исполнить это желание, и он сейчас же побежал туда. Приблизившись к труп, он остолбенел и долго с изумлением смотрел на него. Потом наклонился над ним и стал поворачивать его то на один бок, то на другой. Увидев ранку, он внимательно взгляделся в неё. Пуля попала дикарю прямо в сердце, и крови вышло немного. Произошло внутреннее кровоизлияние, смерть наступила мгновенно.

Сняв с мертвеца его лук и колчан со стрелами, мой дикарь подбежал ко мне вновь.

Я тотчас же повернулся и пошёл прочь, приглашая его следовать за мной. Я попытался объяснить ему знаками, что оставаться здесь невозможно, так как те дикари, что находятся сейчас на берегу, могут каждую минуту пуститься за ним в погоню.

Он ответил мне тоже знаками, что следовало бы прежде зарыть мертвецов в песок, чтобы враги не увидели их, если прибегут на это место. Я выразил своё согласие (тоже при помощи знаков), и он сейчас же принялся за работу. С удивительной быстротой он выкопал руками в песке настолько глубокую яму, что в ней легко мог поместиться человек. Затем он перетащил в эту яму одного из убитых и засыпал его песком; с другим он поступил точно так же, — словом, в какие-нибудь четверть часа он похоронил их обоих.

После этого я приказал ему следовать за мной, и мы пустились в путь. Шли мы долго, так как я провёл его не в крепость, а совсем в другую сторону — в самую дальнюю часть острова, к моему новому гроту.

В гроте я дал ему хлеба, ветку изюма и немного воды. Воде он был особенно рад, так как после быстрого бега испытывал сильную жажду.

Когда он подкрепил свои силы, я указал ему угол пещеры, где у меня лежала охапка рисовой соломы, покрытая одеялом, и знаками дал ему понять, что он может расположиться здесь на ночлег.

Бедняга лёг и мгновенно уснул.

Я воспользовался случаем, чтобы получше рассмотреть его наружность.

Это был миловидный молодой человек, высокого роста, отлично сложенный, руки и ноги были мускулистые, сильные и в то же время чрезвычайно изящные; на вид ему было лет двадцать шесть. В лице его я не заметил ничего угрюмого или свирепого; это было мужественное и в то же время нежное и приятное лицо, и нередко на нём появлялось выражение кротости, особенно когда он улыбался. Волосы у него были чёрные и длинные; они падали на лицо прямыми прядями. Лоб высокий, открытый; цвет кожи тёмно-коричневый, очень приятный для глаз. Лицо круглое, щеки полные, нос небольшой. Рот красивый, губы тонкие, зубы ровные, белые, как слоновая кость.

Спал он не больше получаса, вернее, не спал, а дремал, потом вскочил на ноги и вышел из пещеры ко мне.

Я тут же, в загоне, доил своих коз. Как только он увидел меня, он подбежал ко мне и снова упал предо мною на землю, выражая всевозможными знаками самую смиренную благодарность и преданность. Припав лицом к земле, он опять поставил себе на голову мою ногу и вообще всеми доступными ему способами старался доказать мне свою безграничную покорность и дать мне понять, что с этого дня он будет служить мне всю жизнь.

Я понял многое из того, что он хотел мне сказать, и постарался внушить ему, что я им совершенно доволен.

С того же дня я начал учить его необходимым словам. Прежде всего я сообщил ему, что буду называть его Пятницей (я выбрал для него это имя в память дня, когда спас ему жизнь). Затем я научил его произносить моё имя, научил также выговаривать «да» и «нет» и растолковал значение этих слов.

Я принёс ему молока в глиняном кувшине и показал, как обмакивать в него хлеб. Он сразу научился всему этому и стал знаками показывать мне, что моё угощение пришлось ему по вкусу.

Мы переночевали в гроте, но, как только наступило утро, я приказал Пятнице идти за мной и повёл его в свою крепость. Я объяснил, что хочу подарить ему кое-какую одежду. Он, по-видимому, очень обрадовался, так как был совершенно голый.

Когда мы проходили мимо того места, где были похоронены оба убитых накануне дикаря, он указал мне на их могилы и всячески старался мне втолковать, что нам следует откопать оба трупа, для того чтобы тотчас же съесть их.

Тут я сделал вид, что ужасно рассердился, что мне противно даже слышать о подобных вещах, что у меня начинается рвота при одной мысли об этом, что я буду презирать и ненавидеть его, если он прикоснётся к убитым. Наконец я сделал рукою решительный жест, приказывающий ему отойти от могил; он тотчас же отошёл с величайшей покорностью.

После этого мы с ним поднялись на холм, так как мне хотелось взглянуть, тут ли ещё дикари.

Я достал подзорную трубу и навёл её на то место, где видел их накануне. Но их и след простыл: на берегу не было ни одной лодки. Я не сомневался, что дикари уехали, даже не потрудившись поискать двух своих товарищей, которые остались на острове.

Этому я был, конечно, рад, но мне хотелось собрать более точные сведения о моих незваных гостях. Ведь теперь я уже был не один, со мною был Пятница, и от этого я сделался гораздо храбрее, а вместе с храбростью во мне проснулось любопытство.

У одного из убитых остались лук и колчан со стрелами. Я позволил Пятнице взять это оружие и с той поры он не расставался с ним ни ночью ни днём. Вскоре мне пришлось убедиться, что луком и стрелами мой дикарь владеет мастерски. Кроме того, я вооружил его саблей, дал ему одно из моих ружей, а сам взял два других, и мы тронулись в путь.

Когда мы пришли на то место, где вчера пировали людоеды, нашим глазам предстало такое ужасное зрелище, что у меня замерло сердце и кровь застыла в жилах.

Но Пятница остался совершенно спокоен: подобные зрелища были ему не в диковинку.

Земля во многих местах была залита кровью. Кругом валялись большие куски жареного человеческого мяса. Весь берег был усеян костями людей: три черепа, пять рук, кости от трёх или четырёх ног и множество других частей скелета.

Пятница рассказал мне при помощи знаков, что дикари привезли с собой четырёх пленников: троих они съели, а он был четвёртым. (Тут он ткнул себя пальцем в грудь.) Конечно, я понял далеко не все из того, что он рассказывал мне, но кое-что мне удалось уловить. По его словам, несколько дней назад у дикарей, подвластных одному враждебному князьку, произошло очень большое сражение с тем племенем, к которому принадлежал он, Пятница. Чужие дикари победили и взяли в плен очень много народу. Победители поделили пленных между собой и повезли их в разные места, чтобы убить и съесть, совершенно так же, как поступил тот отряд дикарей, который выбрал местом для пира один из берегов моего острова.

Я приказал Пятнице разложить большой костёр, затем собрать все кости, все куски мяса, свалить их в этот костёр и сжечь.

Я заметил, что ему очень хочется полакомиться человеческим мясом (да оно и неудивительно: ведь он тоже был людоед!). Но я снова показал ему всевозможными знаками, что мне кажется отвратительно мерзкой самая мысль о подобном поступке, и тут же пригрозил ему, что убью его при малейшей попытке нарушить моё запрещение.

После этого мы вернулись в крепость, и я, не откладывая, принялся обшивать моего дикаря.

Прежде всего я надел на него штаны. В одном из сундуков, взятых мною с погибшего корабля, нашлась готовая пара холщовых штанов; их пришлось только слегка переделать. Затем я сшил ему куртку из козьего меха, приложив все своё умение, чтобы куртка вышла получше (я

был в то время уже довольно искусным портным), и смастерил для него шапку из заячьих шкурок, очень удобную и довольно красивую.

Таким образом, он на первое время был одет с головы до ног и остался, по-видимому, очень доволен тем, что его одежда не хуже моей.

Правда, с непривычки ему было неловко в одежде, так как он всю жизнь ходил голым; особенно мешали ему штаны. Жаловался он и на куртку: говорил, что рукава давят под мышками и натирают ему плечи. Пришлось кое-что переделать, но мало-помалу он обтерпелся и привык.

На другой день я стал думать, где бы мне его поместить.

Мне хотелось устроить его поудобнее, но я был ещё не совсем уверен в нём и боялся поселить его у себя. Я поставил ему маленькую палатку в свободном пространстве между двумя стенами моей крепости, так что он очутился за оградой того двора, где стояло моё жильё.

Но эти предосторожности оказались совершенно излишними. Вскоре Пятница доказал мне на деле, как самоотверженно он любит меня. Я не мог не признать его другом и перестал остерегаться его.

Никогда ни один человек не имел такого любящего, такого верного и преданного друга. Ни раздражительности, ни лукавства не проявлял он по отношению ко мне; всегда услужливый и приветливый, он был привязан ко мне, как ребёнок к родному отцу. Я убеждён, что, если бы понадобилось, он с радостью пожертвовал бы для меня своей жизнью.

Я был очень счастлив, что у меня наконец-то появился товарищ, и дал себе слово научить его всему, что могло принести ему пользу, а раньше всего научить его говорить на языке моей родины, чтобы мы с ним могли понимать друг друга. Пятница оказался таким способным учеником, что лучшего нельзя было и желать.

Но самое ценное было в нём то, что он учился так прилежно, с такой радостной готовностью слушал меня, так был счастлив, когда понимал, чего я от него добиваюсь, что для меня оказалось большим удовольствием давать ему уроки и беседовать с ним.

С тех пор как Пятница был со мной, жизнь моя стала приятной и лёгкой. Если бы я мог считать себя в безопасности от других дикарей, я, право, кажется, без сожаления согласился бы остаться на острове до конца моих дней.